

Carinetta

Сердце Господина

Carinetta

Сердце Господина

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Carinetta

Сердце Господина / Carinetta — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-99862-9

Бог умер в одиночестве. Среди пустых глазниц и душ даже дьявол нашёл в себе сердце — давно заброшенное, давно распроданное и разбазаренное. Нет хуже зла, чем лживое добро.

ISBN 978-5-532-99862-9

© Carinetta, 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Реликтовое предисловие	5
Первая глава. Пиборг. Где-то сто лет, что ли, тому назад	6
Глава 2. Столица Мюсити	8
Часики	10
Патриам	11
Глава, сбивающая счёт. Труд и трудности труда	12
Ужас	13
Pride	15
Цех	17
Глава о Зрячих	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Carinetta

Сердце Господина

Реликтовое предисловие

Любимые мои, всем нутром уважаемые товарищи! Если я шлю вам самое пылкое творение своей жизни, значит, я распознала ваши души большими, близкими и без меры мне дорогими.

Любимые мной люди, как правило, делятся на тех, с кем я пойду в разведку, и тех, с кем я могу ограбить банк. В одном из перечисленных мероприятий я на вас рассчитываю.

Черновик без редакции.

Глаз замылен и устал от тонкостей грамматики. А потому прошу счесть допущенные оплошности за авторскую вольность, то бишь лень.

Пять лет назад из меня с тошнотой и рвотой изверглась идея. Спустя ещё пару потуг я водрузила на эту дрянную идею грандиозный дубовый крест и откланялась.

Год назад я вернулась на брошенную могилу, снесла картонный крест и раскопала свой рассказ. Дала ему пару раз в морду и начала лихорадочно, иной раз не помня себя, дописывать...

...Трупные пятна розовели и оживали. Я не верила глазам своим, что, как известно, боятся, а перо пишет.

Я вживляла сюда свои сны, свой сотрясающий стол тихий плач, свой медвежий рёв. Сейчас мой рассказ живой, тёплый, влажно дышащий. Что с ним делать, я не знаю.

Но это самое дорогое, трепетно объятое и хранимое у груди. Ничто лучше него не скажет вам, кто я есть.

...И лишь сердце Господина переполнено тоской...

Первая глава. Пиборг. Где-то сто лет, что ли, тому назад

*Освящённый бризом морским,
Возвышается Синий Город:
Не высок – а Велик! Что не град – Материк!
Моим мнемам безвременно дорог!*

Апрельский бронзовый вечер. Персиковое небо над запорошенным пеплом тротуаром. Серебристые дома обрамляют полотно небес, расшитое тонкими струями янтарного света. Охристо-пыльное небо над Пиборгом. В Пиборге весна...

– Неужто вдовец? – Скруглил брови хозяин антикварной лавки.

– В желчи собственной жадности она могла бы забрызгать любого! Мюсити умрёт! В груди нашей страны умолкнет колокол. Погаснут огонёчки куполов её очей! Сердце нашей страны сгниёт и засмердит...

Господин едва приподнял палец жилистой ладони, лежавшей на тёмном лакированном прилавке, и чуть слышно клацнул старинным рубиновым перстнем. Рубин был размером с фундук и цвета капли венозной крови, будто только что загустевшей на синих гибких пальцах.

Сноп света тяжело повисал над тёмной кофейной комнатой; лавка от пола до потолка была набита деревянной рухлядью: старые сундуки и шкатулки, зеркала и зеркальца, стеллажи библиотеки, засыпанные книгами, антикварные безделицы, часы, часы, часы...

Хозяин лавки. Коренастый, плотный и мясистый – на вид старику было шестьдесят с копейкой. Седые пряди топорщились за круглыми ушами и на затылке. Надо лбом крепко поселилась плешь. Круглые карие глаза в вечном удивлении скругляли над собой ещё более тёмные брови, те, в свою очередь, драпировали узкий лоб в морщины. Серебристая борода скребла потёртый бархатный жилет густо-шоколадного цвета с золочёными пуговицами. Под жилетом к телу прилегал клетчатая рубашка сложного отлива чая с молоком, в тонкую голубую клетку. Часовщик и сам недурно походил на антикварную безделицу!

– Беспольные пигалицы!

– Отчего же?

– Ну и на что сгодятся эти статуэтки?! Их миниатюрные пальчики так и лезут в голову с фантазиями о том, как бедняга скульптор в поту выглаживал каждый суставчик. Побрякушки! Какова ценность их, не считая фантазий о неприспособленном таланте их творца? Дружище!

В каждом слове Гостя отзвывивала холодная железная уверенность, позволяющая любой окошечнице выдавать себя за правду. Неуверенная в себе правда вмиг превращается в оправдание! Хозяин лавки знал это. Знал, что беспощадная критика того, на что он положил жизнь, может заставить его самого начать оправдываться за свой никчёмный выбор.

– Мне нужны часы. Редкие. Почти несуществующие! Мёртвые как умельцы, но хранимые как безделица.

Хозяину лавки льстило внимание Господина. Такой бесполезный, но на редкость ценный товар мог жить только в его деревянном царстве!

Не снимая с лица растерянную, чуть задиристую улыбку, Часовщик достал коробочку из дальней тумбы. Господин понравился старику. Ютилось в его беспощадности что-то честное.

– То, что нужно, дружище! Ну-с, благодарю тебя и покидаю! А вот и гонорар!

Господин оставил на буром прилавке свёрток из старой тряпки – в свёртке что-то было.

– Не беспокойся, я тебя не обидел! – Развернулся на прощание Господин. Дьявольски худой, страшно вытянутый. Тонкий длинный нос, согнутый клюкой над острым подбородком, уравновешивала седая коса с замшевым бантом. Серая кожа, натянутая на скулы, почти не имеющие зрачков глаза в тон – Господин слегка притворил тяжёлую входную дверь и гибким палантином скользнул сквозь узкий проём. И исчез.

Хозяин лавки остался погружённым в молчание. Подумал о том лишь, как же аристократы элегантны в своей бесцеремонности! Добряк смял свёрток в кулаке.

Глава 2. Столица Мюсити

Мюсити. Сегодня. Господин обрёл здесь самое безжалостно слепящее Солнце. Жёлтым маслом оно стекало с листвы. Гранёный воздух переливался, как жемчужная ракушка, вскрытая на рассвете. Роскошь! Ярче Солнца он не встречал нигде... Оно не светило – оглушительно гремело всем своим светом. Но почему-то это Солнце не досветило бы до его души, как показалось Господину (у Господина её попросту не было). Оно не было ни горячим, ни страстным, ни пышущим тайным желанием. Солнце незамысловато сверкало в этот день. Как стекляшка.

В медленном получасовом реверансе Господин присаживался на скамью. Мимо роем пролетали люди, струями сочилась жизнь. Так в один присест небо окрасилось в малиновый.

– Чудный сплав!.. Что же это за ангельская пыльца? Ох! Эти колёсики и шестерёнки разбили не один век на тысячи тиков...

Господин замер в ожидании тьмы. Струнами затянулся свет следами в прошлое утекавшего Сейчас.

Дождливый, огнистый столичный вечер. Дождь стрелами, огни лентами. Господин только что посетил лавку с побрякушками и стоял на крыльце у выхода. В удовольствие себе он купил ситцевого Арлекина.

Господин вертел тряпичного Арлекинчика своими длинными гибкими пальцами. Лихорадочно бегали пальцы-пауки, чей хозяин точно окоченел с замороженным взглядом на крыльце. Нити дождя, как из вышивальной машинки, застучали по городскому полотну, вышивая узоры из луж, ручьёв и суматохи. Господин же, как ящерица, замер в оцепенении, опёршись на стройную трость. Мир вокруг него бежал и сменялся, гонимый временем, – точно песок, подхваченный ветром. И только Господин в самом сердце его застыл как мертвец. Только жалостливое перекачивание маленького тряпичного тельца между фалангами долгих пальцев выдавало в Господине жизнь. Господин думал, что все эти люди бегут на смерть, спешат в её объятия. Жизнь отчего-то имеет привычку откладываться. Как будто смерть не терпит опоздавших! Смазливая девица семенит в таверну на той стороне улицы. Так спешит – разбивает тувельками зеркальца луж, бросается в горячее течение ревущих машин, не оборачиваясь на кровавый свет светофора. Господин остановил пальцы – и тряпичная кукла замерла. Девица рассекла железный поток, точно перерезав смертоносную ленту его змеиного тела. Будто кровью хлынуло гневное гудение, по инерции догонявшее убегающий железный обрубок. Девица запрыгнула на крыльцо таверны – Господин вновь заиграл пальцами – и поток машин влился в течение, заживив своё разорванное тело. Девица боялась простыть. Господин осмотрелся. Чёрт побери, да как будто они все боятся опоздать умереть! Не размораживая взгляда, он медленно опёрся на трость и спустился на текучий зеркальный тротуар. Фигурка Арлекина пока не успела ему наскучить, но он швырнул её под полупустую урну у трамвайной остановки: несчастная фигурка шлёпнулась, потревожив грязное зеркало, и остановилась лицом вниз, искривляя бег ручья. Господин не успел отвернуться, как к обмякшей фигурке наклонилась тёмная и высокая: фигура вдруг почудилась долговязой и благородной. Господин обернулся и увидел юношу с короткими тёмными кудрями и длинной шей, тянущейся из тёмно-зелёного дождевика. Парень подобрал игрушку, вытянулся в полный рост и засмотрелся в глаза Господину, держа Арлекина твёрдой доброй ладонью. Юноша был невероятно рослым и вытянутым, но всё равно еле дотягивался макушкой до броши на груди Господина. Однако чудо ли: оба стояли, выпрямившись ровно, как сосны, и смотрели друг другу в глаза на равных, как если бы только глаза их парили на одной высоте...

– Господин!

– Здравствуй, Господин! Я же совсем юн, чтоб быть Господином...

– Стало быть, Джунг!

Часики

Они шагали до самого рассвета, обойдя все набережные, какие сыскали.

– Так чему вы научите людей?

– Я развлекаюсь! Здесь развлечений не перечесть, и я заведу себе парочку – никто и не заметит!

– Ваши часики...

– Часы эти работают на человеческих сердцах, дружочек. Один стук – один тик. Сердце бьётся чаще – вот и время бежит быстрее. Часы остановятся – встанет и сердце...

– Чьему же сердцу они вторят, если ваше не востепенулось ни разу за эту ночь?

– Хм... – Господин ухмыльнулся. – Так, значит... Учужал зловонную пустоту в моей груди?

Всякому сердцу предписано строгое число ударов. И не вправе их сократить даже я. Но, поработив чьё-то сердце, я обретаю власть над его бегом! Тебе жутко, горько и страшно – твоё сердце забьётся чаще, и время потечёт быстрее вместе с напуганной кровью! Каждый удар – каждый тик. Все твои удары – как на цепочке из бьющихся звеньев – накручены на стрелки. С каждым ударом звено вдруг разбивается, сгорает и исчезает! А за чертой жизни его ждёт глотка могилы... Каждый кусочек оторванной жизни жадно глотают гниющие языки смерти! Я завожу часики – и сердце теперь работает на них, качает своё время! Я, чёрт возьми, не властен над куцей любовью, всякой тенью сострадания или каким пошленьким счастьем. Хорошо бы перво-наперво именно за них наказывать малодушных! Но я вмиг завладеваю сердцем – лишь человека заденет страх... Не отважный и преодолимый – гнусный, мерзкий страх! Гнев, разочарование, ядовитая боль! Как только стрелочка дёрнется чуть резче – от укола поганого чувства, – я уже могу ухватиться за краешек ниточки! Считаю, что я сминаю беззащитное сердце в кулаке, я впиваюсь в него когтями! Я сжимаю его всё крепче – и из него сочится кровь. Как попугайчик в клетке, оно пытается выбиться – бьёт по ладони всё чаще и жалостливее... А я кручу стрелки всё быстрее и быстрее! И вот уже почти бездыханное сердце еле поспевает за тиками – оно захлёбывается, хрипит в кипящей крови и рвётся на кусочки! Я упоён этим моментом грандиозного гниения! Я всё быстрее разматываю цепочку, загоняя её концы в могилу! Я терзаю и крошу когтями каждое её звеньице! А потом резко дёргаю за конец и заставляю сердце в один миг избить все свои оставшиеся удары... Цепочка отрывается и тонет в зловонной пасти смерти. Часы встают. Тело падает навсегда.

Патриам

Крыса перебирала лапками молниеносно. Бежала вдоль бордюра и опрометчиво коснулась хвостом тонкого велюра чёрных туфель...

Двухметровые руки Господина позволяли ему не бежать за зверем, напросившимся к знакомству. Господин изогнулся, вытянул вдогонку грызуну точно пластилиновую, и без того длинную руку и двумя ногтями зацепил за хвост сбежавшего беднягу. Замерев с барахтающейся крысой, Господин плавно втянул запястье до прежних размеров, согнул локоть и поднёс к своим губам глазастого зверька.

– А вот вы мне сослужите славную службу, мой Патриам! Сначала – туловище, разум – после!

Вдоль бордюра брели двое: стройный Господин в чёрном глянцево-смокинге и миниатюрный Лакей – в сером фраке, сером цилиндре, с густо залитыми кроваво-красным цветом глазами.

Глава, сбивающая счёт. Труд и трудности труда

– Славный экипаж. – Мимо оторопевших на тротуаре Господина и его Патриама просвистел роскошный автомобиль, запустив грязную волну из лужицы под бордюром.

Брызги услужливо обогнули Господина и Лакея.

– Ах, мой Патриам, совсем скоро вы заговорите! – Господин протянул Лакею шёлковый платок. – Трудитесь! И следите за собой. У вас забиты ноздри. Позаботьтесь о своей чистоте прежде. Трудитесь – благая речь не потечёт из грязного устья! Экипаж славный! Повернём-ка его назад, мой Патриам?

Лакей вытянул из-под фалды хвост, замахнулся – и заарканил авто. Строптивый зверь, будто пойманный бык, нехотя, но безнадежно покатился назад.

Господин приподнял кверху острый палец и согнул вниз. Вторя его движению, послушно опустилось чёрное стекло.

– Вы запомнили, сударь!

Недоумевающий всадник не находил, что произнести. Он не находил даже, что услышать. С косыми глазами он был невероятно похож на здорово откормленного хамелеона. Сейчас он не мог решить, какой цвет ему примерить.

– Труп!

– Какого дьявола?!

– Вы труп, сударь! Но прежде вы запомнили! Потянуть за поводья. Брызги, к вашему сведению, чуть было не оросили меня и моего любезного Патриама!

Лицо всадника смекнуло налиться красным. Он было разжал губы в гнев...

– Цыц! Вам, сударь, говорить пока рано. Конь ваш столь искусный и грациозный! А всадник, – Господин нагнулся к чёрному стеклу, – дешёвенький камушек в неподобающе дорогой оправе!

Хамелеон выкатил до мяса свои глаза и вдруг поспешил усыхать. Он худел, тошал, коллапсировал под своей тяжестью. Его кожаный наряд стройнел вместе с ним, постепенно сморщился до атласного плаща и тут же, точно плесенью, оброс белоснежными воротниками и манжетами. Неизменно большими остались только косые глаза. Хамелеон посинел.

– В карету прыжком, мой Патриам!

Ужас

*Холод крадётся... С улицы ли?
Стою перед тобой не дыша.
Больно растёгивать пуговицы,
Потому что там сразу – душа...*

Из-под выбеленного накрахмаленного воротника выступали синие гнилые жилы на шее мертвеца. Кожа с его пальцев слезла и кусками прилипла к блестящему кожаному рулю.

На Бульваре Жёлтой Прессы ожидали Дамы. Карета с визгом затормозила.

Дамы в белых блузах, грязно-серых юбках, с красными лаковыми перстами и алыми, как свёкла, устами развалились на сиденье справа от Лакея. На взволнованных от надежд личиках сверкали приторможенные улыбки и блестели пушистенькие глазки.

Труп водителя не зажёг ни ужаса, ни гнева в глазёнках пигалиц. Улыбки их не разморозились даже сейчас – только глазёнки вдруг забежали в поисках спасительной шутки.

– Э-эй! Бросьте нас на Площади Латентных Путан!

На переднем пассажирском кресле медленно развернулся длинный серебристый нос, за ним выглянула глянцева скупа; следом за носом медленно повернулся серый глаз без зрачка, пока не упёрся в острый угол века. Господин сидел к ним спиной и наблюдал за всем до упора вывернутым назад глазом.

Дамы изрядно растерялись.

– Кто это вон там, спереди? – Дамы понадеялись на разумение Лакея, обратившись к крысе в сером фраке.

– Господин Филистер – сегодня и исключительно для вас! – ответил Господин.

Дамы изрядно ошалели.

Господин, вмиг обросший бабочкой и бордовым велюром, обхватил руками железный микрофон, упавший откуда-то сверху.

– Специально для изрядных Дам на заднем ряду! Ваши наряды из ряда вон выходящие – разрядить!

Чавканье и писк раздирали гробовую тишину. Когда дамы опомнились, Лакей уже дожёвывал огрызки лохмотьев с их тел. Лакей оставил нетронутыми только капюшоны, сапожки, капроновые колготы, перчатки, броский макияж, воротники и ожерелья, манжеты, ремни и лишь подола юбок. Словом, он выгрыз из нарядов голые купальники, обнажив исключительно перси и чресла.

Господин, крутя, как трость, за стойку серебристый микрофон, не шевеля губами, молвил:

– Ваши нагие груди и лона, да будет вам известно, ничуть не смутили нашего извозчика! Более того, он их видел ещё не Бульваре! Нет-нет, не удивляйтесь! Одежонка была ещё на вас! Вы свою наготу носите всюду – на собственном лбу!

Дама посмышленнее и поотважнее тут же схватилась за сердце. Задыхаясь, она бегала глазами в поисках воздуха, царапала обшивку кареты, пока не стёрла ногти в кровь. Взяла себя за горло, судорожно сжимая и разжимая трахею, пытаясь заставить лёгкие дышать, но, увы, проткнула кожу пальцами и с ужасом вынула из собственной шеи обмотанные пульсирующими венами руки. Сердце заколотило так, что оно таранило грудь, – Дама пыталась заглушить, задавить бешеное сердце руками! Но сердце билось всё чаще и яростнее, пока бедняжка пальцами не разодрала себе рёбра и не задушила собственное сердце в утробе своей...

Оставшаяся Дама так и не соскребла со стенок черепа столько ума, чтобы узреть рассмотренный спектакль.

– О, вот вы-то мне и сгодитесь для работёнки! – Господин безразлично вышвырнул микрофон в окно, по-прежнему не оборачиваясь. – Ни капли ужаса – лишь чувств подозрения, что что-то здесь не так. Что что-то здесь до тошноты, должно быть, гадко! Зато острая чуйка на зрелище – алкание им тешиться, не вдумываясь в суть его! Ведь иначе – это с ума сводящее зрелище!

Pride

Господин отлучился на минутку в старый забытый год. На узенькой улочке под дверьми обувной мастерской Господин споткнулся о Сапожника. Сапожник в розовой мантии сидел на низеньком деревянном табурете и бил позолоченным молотом по набойкам.

– Твои ли башмаки – лучшие во всём городе?

– Честнейшие, герр!

– И не шибко-то ты богат!

– А ты желаешь это исправить? – Сапожник дерзко улыбнулся. – У вас очень худые и тонкие ступни, мсье. Я точно вижу, какой каблук вам подойдёт!

– Сердцем ты исполняешь свой труд, старик. Кровью питаешь всякий башмак. Конкурент твой тратит едва ли каплю пустого пота, а просит за халтуру едва ли не больше твоего!

– Обленившийся болван этот старый пёс! Болван он, не я! И башмаки его – дрянь! – Сапожник выпрямил спину, и за ним струями потянулись блестящие складки мантии. – Имя моё имя помнит каждый, кто хочет порхать, а не ползти! А болван тот соскребаёт денег да и покупает себе имя у рекламодателей. Вот и пусть его помнят те, что шагают по земле глазами, а не ногами! Сапожником назвался за деньги! Но сапоги-то не делает – мусор это, а не сапоги! Творит дерьмо, и имя – пыль. А я с таким пустым, но тяжёлым грузом жить не смогу, сэр.

Господин всем своим умом преклонил голову Сапожнику, скользнул по улочке и свернул на ближайшем повороте в Мюсити сегодняшней...

«Целый замок! – думал Господин, взвываясь по серой лестнице. – Кабинет мне будет впору!» – Господин приблизился к табличке, Лакей распахнул перед ним дверь...

Толстяк сидел за столом в мохнатом фиолетовом сюртуке с зелёными ромбами, в лимонном галстуке и причитал:

– Вот так клоуны! Клоуны, чьи кошельки я кормлю!

Толстяк заметил гостей.

– Мой наряд! Он с первых взоров должен вам в сердца вонзиться и сломить колени! Я отдал за него половину своей чести! А значит, честь терять и отдавать должны мне все, кто на него глядит! Он стоит столько, что платить мне должен унижением других!

Господин молчал. Он предпочитал слушать.

– Судя по вашему виду, вы, верно, из самой Преисподней! – продолжал Толстяк. – А там уж всякий чертёнок с моих рук до отвала сыт! Ежели у вас заказ, знайте, что я не имею дел с купчишками!

– Мон Шер, не извольте кипятиться. Мы прибыли безо всяких последствий, – перебил его Господин, – беседовать.

Толстяк умолк, но заметно старался подобрать речь.

– О, Мон Шер, это всё равно что езда на велосипеде! Разучиться слушать невозможно!

– Вы в своём уме?!

– Позвольте-с! Позвольте... Наш диалог не отнимет лишних ударов вашего сердца! Вас он увлечёт. Итак, Мон Шер, начнём. Для начала одна тонкая истина: товар ваш отвратителен.

– Да что ты себе позволяешь, плебей?! – Толстяк вскочил с места.

– Ну, признайте, Мон Шер! – Господин обошёл стол и ласково обхватил острыми пальцами пухлые кулачки, сжатые у груди Толстяка. Господин неторопливо дотянулся острым кончиком своего носа до мясистого шнобеля. – Присядь, Мон Шер. – Глаза Господина налились кровью, а дыхание стянулось в ледяной пар.

Толстяк послушно сел обратно в плюшевое оранжевое кресло.

– Я попросту берегу сырьё! Треть – тесто, треть – опилки, треть – тесто из опилок!

– Мон Шер! Ваши ватрушки с перепелиным яйцом отвратительны. – Господин, подхватив из собственного рукава огрызок булки, сжал его в кулаке и швырнул в угол. На него с визгом напала стая крыс.

Толстяк бросил взгляд на крыс. Спустя мгновение шайка уничтожила хлебную корку и исчезла, оставив кровавую лужу. Толстяк вернул растерянные вспотевшие глаза на Господина.

– Да кто же тот дурак, что не наживётся на моём месте?

– Вот дураки! Нескромные позорные затраты на искусность! Что это за убыточное желание – быть лучшим? удовлетвори моё любопытство, гадёныш! Недавно я познакомился с вашей национальной мудростью... Как же... Мой Патриам, повторите, как вы сказали? – Господин поднял палец в знак Лакею.

– Понт-с дороже денег!

– Да-да, точно! Так, извольте, в чём же тот самый понт-с? – Господин щёлкнул пальцем.

Лакей подхватил:

– Делать говно-с!

– Да! В чём понт-с делать говно-с, Мон Шер?

Толстяк от неожиданности замер на минуту и вдруг выпятил пузо.

– Какое моё дело, чем крыс потчевать?! Когда б они деньжата заплатили за объедки? Раз они сами любят это самое... Как вы?

– Говно-с!

– Да! Говно! С... Так вот, поделом им, кретинам без образования и вкуса! Раз не умеют отличить зёрна от плевел, пускай подавятся! Авось помрут и свет от глупых туш своих избавят! А я умный! Я жутко умный! – Толстяк выкатил глаза и раздулся до такой степени, что сам стал похож на здоровенный кусок теста с двумя перепелиными яйцами на месте глаз.

– Ну-с, мой Патриам, с Творцом Говна у нас, пожалуй, всё. С вашего позволения, мы удалимся!

– Дорога фиолетовой скатертью, судари! Что за чудной народ!

В дверях Господин вынул часы и, не оборачиваясь на Толстяка, шепнул Лакею:

– Злорадствует?

– Да, Господин!

– Боится? Почуял пузырьки страха в своих кишках?

– Да, Господин!

Господин дёрнул за еле заметную цепь и раскрутил стрелки с невероятной скоростью.

Толстяк кашлянул. Схватился за горло. Стал кряхтеть.

Цепь размоталась и испарилась. Стрелки встали. Толстяк упал фиолетовым трупом.

Цех

Посреди кабинета в алом замшевом кресле восседал Господин. Изумрудный свет лампы обливал тёмный пурпурный ковёр странным бежевым пятном, чёрные громоздкие шкафы были битком забиты редкими книгами. Здесь было уютно в одиночестве. Позади кресла на глянцево-чёрном столе мерцала и переливалась куча сувениров из разных эпох: затёртый жемчуг на тонкой, сложенной кольцами цепи; светящиеся кристаллы, древние каштановые идолы, фарфоровые клоуны; перья из белого золота и серебряные чернильницы, полные голубых кровей умерших королей и графов. Все сувениры были выложены змейкой: всякое украшение подавало руку следующему за ним. Завершающими новый ряд чудного змея, вероятно, будут часы...

Господин сжал ногтями большого и безымянного пальцев лист бумаги.

– Листы слишком толстые. Чёрт возьми, просто жирные! Так. Постройтесь-ка все в ряд и слушайте!

Господин распорядился собрать всю рать подчинённых у себя в кабинете.

– Вот вам указание. Распилите каждый лист пополам. Я хочу, чтоб вот из этого полена вы сделали мне две тонюсенькие паутинки!

– Господин! А, Господин! Я старший советник и настоятельно рекомендую просто купить тонкую бумагу! Соберём в охапку наших курьеров – скупят и обдерут хоть со всего королевства! Я старший советник и считаю...

– Цыц, советник! Рассоветовался! Это за что же я тогда буду платить всем вам денежки? Платить? Денежки? Разгоню всех к чёртовой матери – оставлю одних курьеров! И все ваши премии раздам бумажным заводам?

– Нет-нет, Господин!

– Кто будет работать, не жалея пота и крови, я, что ли, всё это придумал? А ну марш трудиться, бездельники! А не знаете как – сыщите инженеров! А не найдёте инженеров – возведите академии и выучите их с десятков! Сотню! Сейчас же брысь отсюда!

Спустя 40 дней Господин по-прежнему был неподвижно скрючен в своём кресле. Взгляд вот уже который день был парализован; робкий свет лампы не касался его худого костяного лица, отчего казалось, будто окаменевшие белёсые глаза светятся в темноте. Худые длинные ноги, сложенные одна на другую, длинные руки, застывшие полусогнутыми, – всё онемело... Он был похож на трёхметровую, изящную, аккуратно сложенную по изгибам суставов ящерицу.

Его новый завод по расслоению бумаги работал как часы: сотни учёных инженеров самыми мудрёными способами пилили бумажные листы. Они защищали диссертации и преподавали своё ремесло будущим инженерам в звонких амфитеатрах аудиторий. Весть о чудесных разрубленных листах вместе с ними разлетелась с конвейера по всему королевству: от алчущих купцов отбивались сапогами у врат. А почти все обычные бумажные заводы разорились: дешёвое изготовление готовой бумаги любой толщины было раздавлено. Затравлено новизной мельчайших пил и сенсацией прогресса Дьявольского Завода Господина. Толпы лилипутов с крошечными пилами трудились за деньги королевства, чьи жители за каких-то две пары недель разучились представлять мир без распилки толстых, жирных бумажных лент...

Господин уже сорок один день молча сидел в глухом кабинете, запертый от фейерверка его деяний. Всё работало. Работало как часы. А Господин всё реже давал указания через наглухо закрытую дверь: он боялся, что кто-нибудь услышит, как громко тишину пропитывает тоска...

Глава о Зрячих

Нет хуже зла, чем ложное добро...

Из-за ограды виднелось стадо. Благородное. Чёрное. Словно колонны чёрных сосен – все как один стройные, в чёрных плащах и с чёрными рваными флагами – вдоль домов маршировала интеллигентная молодёжь. Свободные мысли вылетали из их сальных голов и вились шлейфами над толпой. Непокорный царям конвой шагал ненавидеть... С выколотыми глазами и сожжёнными деревянными крестами над головами, сосны шли разорять церковь Святого Себастьяна. Густая кровь застыла на разодранных веках чернильными слезами. Железными прутьями зашитые рты с хрипом и пузырями пели гимны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.